

RUSSE

Commenter en russe le texte suivant et le traduire de « На Иркутском вокзале я лег... » jusqu'à « ... и я успокоился и заснул. ».

Поезд

На Иркутском вокзале я лег под свет электрической лампочки, ясный и резкий, — как-никак в поясе у меня были защиты все мои деньги. В полотняном поясе, который мне шили в мастерской два года назад, и ему наконец предстояло сослужить свою службу. Осторожно ступая через ноги, выбирая дорожки между телами грязными, вонючими, рваными, ходил по вокзалу милиционер и — что было еще лучше — военный патруль с красными повязками на рукавах, с автоматами. [...] Не то что я боялся, что у меня украдут деньги. Я давно уже ничего не боялся, а просто с деньгами было лучше, чем без денег. Свет падал мне в глаза, но тысячи раз ранее падал мне свет в глаза, и я выучился превосходно спать при свете. Я поднял воротник бушлата, именуемого в официальных документах полупальто, всунул руки в рукава покрепче, чуть-чуть опустил валенки с ног; пальцам стало свободно, и я заснул. Сквозняков я не боялся. Все было привычно: паровозные гудки, двигавшиеся вагоны, вокзал, милиционер, базар около вокзала — как будто я видел только многолетний сон и сейчас проснулся. И я испугался, и холодный пот выступил на коже. Я испугался страшной силе человека — желанию и умению забывать. Я увидел, что готов забыть все, вычеркнуть двадцать лет из своей жизни. И каких лет! И когда я это понял, я победил сам себя. Я знал, что я не позволю моей памяти забыть все, что я видел. И я успокоился и заснул.

Я проснулся, перевернул портянки сухой стороной, умылся снегом — черные брызги летели во все стороны, и отправился в город. Это был первый настоящий город за восемнадцать лет. Якутск был большой деревней. Лена отошла от города далеко, но жители боялись ее возвращения, ее разливов, и песчаное русло-поле было пустым, — там была только выюга. Здесь, в Иркутске, были большие дома, беготня жителей, магазины.

25 [...]

В Иркутске наши дороги разделились. Еще в Якутске, вчера, мы ходили по городу все вместе и билеты на самолет брали все вместе. В очередях стояли все вместе, вчетвером, — доверять кому-либо деньги никому не приходило в голову. Это было не принято в нашем мире. Я дошел до моста и посмотрел вниз: на кипящую, зеленую, прозрачную до дна Ангару — могучую, чистую. И, трогая замерзшей рукой холодные бурые перила, вдыхая запах бензина и зимней городской пыли, я глядел на торопливых пешеходов и понял, насколько я горожанин. Я понял, что самое дорогое, самое важное для человека, — время, когда

35 рождается родина, пока семья и любовь еще не родились. Это время детства и ранней юности. И сердце мое сжалось. Я слал привет Иркутску от всей души. Иркутск был моей Вологдой, моей Москвой.

Когда я подходил к вокзалу, кто-то ударил меня по плечу.

— С тобой будут говорить, — сказал беленький мальчик в телогрейке и отвел меня в темноту. Немедленно из мрака вынырнул невысокий человек, 40 внимательно на меня глядя.

Я увидел по взгляду, с кем я имею дело. Трусливый и наглый, льстивый и ненавидящий был этот так хорошо знакомый мне взгляд. Из темноты виднелись еще какие-то рожи, мне их знать было не надо — они появятся в свое время, — с ножами, с гвоздями, с пиками в руках. Сейчас передо мной было только одно лицо, 45 с бледной, землистой кожей, с опухшими веками, с крошечными губами, как бы приклеенными к скошенному выбритому подбородку.

— Ты кто? — Он выставил грязную руку с длинными ногтями. Отвечать было необходимо. Никакой защиты ни патруль, ни милиционер тут оказать не могли. — Ты — с Колымы!

50 — Да, с Колымы.

— Ты где работал там?

— Фельдшером на партиях.

— Фельдшером? Лепилой? Кровь, значит, пил нашего брата. Есть с тобой разговор.

55 Я сжимал в кармане купленный новенький перочинный ножик и молчал. Надеяться можно было только на случай, на какой-нибудь случай. Терпение и случай — вот что спасало и спасает нас. И случай пришел. Два кита, на которых стоит арестантский мир.

Тьма расступилась.

60 — Я знаю его. — На свет появилась новая фигура, вовсе мне незнакомая. У меня была великая память на лица. Но этого человека я не видел никогда.

— Ты? — палец с длинным ногтем описал полукруг.

— Да, он работал на Кудыме, — сказал неизвестный. — Говорят, человек. Помогал нашим. Хвалили.

65 Палец с ногтем исчез.

— Ну, иди, — злобно сказал вор. — Мы подумаем. Счастье было в том, что ночевать мне в вокзале было больше не надо. Поезд на Москву отходил сегодняшним вечером.

Варлам Шаламов (1907-1982), Поезд, (1965, из сборника “Артист лопаты”).